

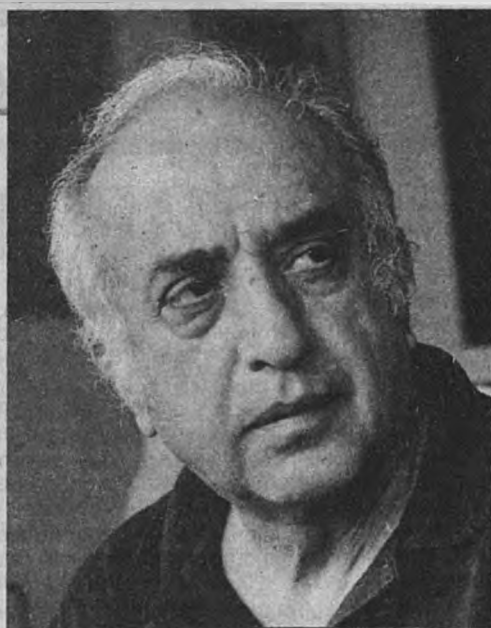
Просторная, очень светлая мастерская народного художника Армянской ССР, лауреата Государственной премии республики Акопа Акопяна сплошь заставлена холстами, подготовленными к работе. По стенам развешены хорошо знакомые по выставкам произведения. Повсюду разложены кисти и краски.

Обычный день, нормальная рабочая обстановка. Сам художник стоит за мольбертом и пишет большую картину. Работает он спокойно, сосредоточенно. Все кругом здесь кажется целесообразным и занимает свое законное место. Я кажусь лишней в этом большом светлом помещении, рядом с мастером, выполняющим свою привычную работу. Готовясь к этой встрече, я, как водится, припасла несколько обычных журналистских вопросов, которые завершались традиционным «Ваши творческие планы?». Но вот сижу здесь уже четвертый час, и Акопян говорит, не выпуская из рук кисти, внимательно вглядываясь в свою работу. Разговор течет свободно, перескакивая на разные темы, сворачивая с проторенных дорожек вопросов и ответов. Это даже скорее размышления художника вслух о времени и о себе.

— Такого рода беседы, как правило, начинаются с вопроса, как я приехал на Родину из-за границы. Но произошло это почти двадцать семь лет назад, так давно, что я уже и забыл во многом «тамошнюю жизнь», хотя мне в то время уже было лет сорок — возраст вполне зрелый. Но за все это время я так сблизился с Родиной, что кажется, будто жил здесь всегда.

Я — художник. За те годы, что я занимаюсь живописью, мне кажется, что я начал кое-что понимать в этом деле. Впрочем, и это понимание относительно — то, что правильно и хорошо для меня, возможно, ни для кого больше не годится. А если говорить вообще о жизни. Надо, очевидно, дожить до определенного возраста, чтобы с полным основанием сказать: «я знаю, что ничего не знаю». Что такое правда, ложь, добро и зло? Не берусь судить. В юности знал, а теперь — нет, это, наверно, и естественно, молодость должна быть уверена в своей правоте, а время все ставит под сомнение.

... Рисовал я всегда, вернее, сколько себя помню. Для моих родителей это если и не было трагедией, то очень не нравилось. Я должен пояснить. Здесь у нас, в советском обществе, детей всячески поощряют заниматься творчеством, родители внимательно следят и стараются не упустить даже малейшие проблески способностей к искусству. В Советском Союзе создана целая сеть художественных школ, студий. В странах капитала же ничего подобного нет. Если ты хочешь рисовать — это твое личное дело, общество это не интересуется. Человек, если чувствует

Художник и время

ВЕРУЮ В ЖИЗНЬ

такую необходимость, занимается рисованием только для себя. Часто художнику на Западе приходится заниматься каким-либо другим трудом, а искусству посвящать только свободное время. Пробиваются к известности и славе очень немногие, самые настойчивые и... везучие. Поэтому для родителей страсть ребенка к творчеству — нередко трагедия. Это тот труд, который, как говорится, «не кормит».

Я до сих пор считаю, что художник — не профессия, как, скажем, врач, или портной. Это — призвание, потребность. Если ты действительно художник, то просто не можешь этого не делать. Если даже будешь знать, что твои произведения никому больше не нужны, все равно будешь писать.

При тех жестких условиях, что созданы художникам на Западе, тот, кто их выдержал, относится к себе же с большей ответственностью. Он не может рассчитывать на безбедное существование. Правда, есть другой аспект: многие вынуждены потворствовать дурным вкусам заказчика. Но даже безвкусицу не всегда сделаешь спустя рукава. Согласитесь, трудно сказать, что более губительно для искусства — тщательно сделанная безвкусица, или откровенная халтура.

...Очень не просто объяснить, почему человек берется за кисти. Конечно, в первую очередь им движет потребность самовыражения, и еще, я думаю, всегда важный стимул — стремление к независимости, утверждение себя в качестве суверенной индивидуальности. Художник стремится к независимости, стремится не повторить предшественника. Никто не хочет быть ни на кого похожим. В молодости, как правило, бывает период,

когда влияние кого-либо из великих так сильно, что невольно подражаешь, но это проходит, возможно, что это не подражание вовсе, а освоение иных методов и приемов.

... Я думаю, что не стоит мелочно опекать автора, навязывать ему темы. В конечном счете от этого все проигрывают: и сам художник, и общество. Я говорил о стремлении к независимости, это правда, но кто может существовать вне своего времени. Мы постоянно пребываем в огромном потоке информации, в обстановке тревоги за мир, среди множества проблем современности. Кто может быть независим от своего времени? Рано или поздно все это отражается в произведениях. Я как-то прочел в газетах о бомбе, уничтожающей все живое, но оставляющей в неприкосновенности предметный мир и ужаснулся, почувствовал необходимость выразить зримо свое представление о последствиях чудовищной катастрофы. Так появилась картина «Нет нейтронной бомбы!». Никто не требовал от меня такого произведения, написать его — было мое собственное желание.

От социального заказа нет и не может быть независимости художника. Когда его нет, появляется множество мертворожденных картин с ложной патетикой, на которых человек незаметно оказался погребенным под дотошно перечисленными атрибутами: рабочие спецовки, значки, строительные шлемы, орудия производства, то есть знаки и символы профессий.

Самое трудное — это изобразить человека. Для того чтобы создать произведение искусства, надо, чтобы на холсте непременно был рожден

образ. Не знаю ничего сложнее, чем создать образ современника. В конце концов любой предмет, который я рисую, — манекены, овощи, цветы, инструменты, пейзаж — это средство сказать о человеке самое выразительное. Человеческое тело, его лицо отражают и его мышление, и судьбу, и стремления, и заменять такое глубокое и невероятно трудное проникновение бутафорскими атрибутами я считаю, просто смешно. Человека раздирают проблемы, собственно, они были всегда, но такие глобальные появились только сегодня. Его мучают вопросы, подгоняет время, может ли он в таком случае сохранять безмятежность? Вряд ли. Искусство, если оно искреннее, должно все это отражать, а неискреннее искусство не бывает, это уже что-то другое.

...Видите, я хотел говорить об искусстве, а получилось и о жизни, очевидно, одно с другим неразделимо. Обо всем этом я много думал, но я уже говорил, что не берусь давать советы. У меня и учеников никогда не было по этой причине. Боюсь навязывать свое мнение. Я рисую в день по несколько часов, это мой образ жизни, и мне кажется, что я кое-чем разобрался, пытаюсь, во всяком случае. Может быть, то, что я пишу, кому-то и нужно, может, нет. По крайней мере, я знаю, что всегда честен в своем творчестве, это самое главное.

З. МАЛОЯН.

На снимках: портрет художника; репродукция картины «Нет нейтронной бомбы».

Фото В. Касабяна.